

На правах рукописи

Тепляков Алексей Георгиевич

**ОРГАНЫ ОГПУ–НКВД–НКГБ В СИБИРИ:
СТРУКТУРА И КАДРЫ
(1929–1941 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре отечественной истории в ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет».

Научный руководитель доктор исторических наук, профессор
Красильников Сергей Александрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Ларьков Николай Семенович

кандидат исторических наук, доцент
Шадт Александр Александрович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Защита состоится 22 апреля 2011 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, ауд. 41.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. С самого начала советской истории органы ВЧК были провозглашены «прямыми органами партии», действующими под ее непосредственным руководством. Чекистские органы, став наряду с армией стержнем советского государства, сохраняли этот статус в менявшихся социально-политических условиях, хотя с преобразованием после окончания Гражданской войны ВЧК в ГПУ их численность сократилась, а политическое влияние уменьшилось.

В период второй половины 1929 г. – первой половины 1941 г. качественно расширились границы функций ОГПУ–НКВД–НКГБ и резко возросло могущество ведомства. Закономерно поэтому, что в полной мере сохраняется научный и общественный интерес к данному периоду функционирования советской спецслужбы. Научный анализ деятельности чекистского ведомства предусматривает исследование его институциональных основ, ключевыми среди которых выступают структурно-кадровые параметры. Только определив структуру и функции чекистских подразделений, выявив и оценив принципы подбора, подготовки и расстановки кадров, их социальный, партийный и национальный состав, внутрикорпоративное поведение, можно достоверно реконструировать и проводимую чекистами профессиональную деятельность, т. е. механизмы реализации ведомством своего функционального предназначения.

В последние два десятилетия отечественные и зарубежные историки активно изучают репрессивные аспекты функционирования советской политической системы. Однако из-за недоступности основного корпуса ведомственных документов вплоть до последнего времени не появлялось обобщающих научных трудов по истории ОГПУ–НКВД–НКГБ Центра и регионов применительно к 1929–1941 гг. В связи с этим изучение кадровой истории и корпоративной жизни советской спецслужбы в региональном срезе представляет значительный научный и общественный интерес, позволяя существенно расширить имеющиеся знания о природе, характере формирования и принципах функционирования отечественной тоталитарной власти.

Степень изученности темы. Историография конца 1920-х – начала 1940-х гг., посвященная ОГПУ–НКВД–НКГБ, крайне скупа; в советское время информация о структуре и кадрах госбезопасности считалась государственной тайной. Одним из немногих исключений стала книга о строительстве Беломорско-Балтийского канала, содержащая биографии крупных чекистов М.Д. Бермана, С.Г. Фирина, Н.А. Френкеля и изъятая из обращения в 1937 г.¹ Отдельные работы 1960–1980-х гг., построенные на эмпирическом материале и выдержанные в традиционном «житийном» стиле, посвящались некоторым видным чекистам 1930-х гг.²

Научное изучение аппарата ВЧК–КГБ стало возможно только после крушения коммунистического режима. Особое место занимают справочник Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД», посвященный биографиям чекистов-руководителей 1930-х гг., справочник по системе и кадрам ГУЛАГ³. В 2007 г. вышли две основательные научные биографии Н.И. Ежова – совместный труд Н.В. Петрова и М. Янсена, а также книга А.Е. Павлюкова⁴. Деятелям Кунцевского РО УНКВД по Московской области в годы «Большого террора», их клановым связям и психологии посвящено исследование А.Ю. Ватлина. В монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.»⁵ реконструирована технология сталинского контроля над карательными органами, приведены сведения об инициированных диктатором репрессиях в отношении видных чеки-

¹ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. М., 1934.

² См.: Гладков Т., Смирнов М. Менжинский. М., 1969; Чекисты. М., 1987; и др.

³ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М., 1999; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960 / Сост. М.Б. Смирнов. М., 1998.

⁴ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008; Павлюков А.Е. Ежов: Биография. М., 2007.

⁵ Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.

стов. О динамике места и роли карательных органов в 1930-е гг., сращивании партийных и карательных аппаратов как на кадровом уровне, так и в совместном выполнении многих задач пишет в своем новейшем исследовании О.В. Хлевнюк¹.

Среди многочисленных исследований, посвященных деятельности ВЧК–КГБ, особняком стоят публикации историков ФСБ. Общей особенностью их публикаций является обильное цитирование документов и статистики внутреннего делопроизводства ОГПУ–НКВД, что объясняется практически монопольным доступом к важным документам. Основной заслугой этих авторов является введение в научный оборот большого массива неизвестных ранее источников. В то же время очевидны тенденциозность и небрежность, в большой мере присущие этой литературе. Так, для работы О.Б. Мозохина «Право на репрессии»² характерны как общая теоретическая беспомощность, так и обилие фактических ошибок при рассказе о структуре и кадрах ОГПУ–НКВД. В последней своей книге автор слепо транслирует чекистскую точку зрения и подробно перечисляет разоблаченных мифических шпионов, давно реабилитированных в судебном порядке³. В солидно фундированном исследовании А.А. Здановича о деятельности особых отделов⁴ также проявляется излишнее доверие к ведомственной информации, повторяется ряд старых клише.

Первой исторической работой, посвященной репрессиям в западносибирском регионе, стала вышедшая в 1993 г. небольшая книга И.Н. Кузнецова «Знать и помнить»⁵, содержащая характеристики ряда представителей карательного аппарата. Новый ма-

¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

² Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский; М., 2006.

³ Мозохин О.Б. Деятельность ГПУ–ОГПУ по обеспечению экономической безопасности советского государства (1922–1934). М., 2009. С. 343–354, 386.

⁴ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.

⁵ Кузнецов И.Н. Знать и помнить. Томск, 1993.

териал о чекистах приведен в появившихся в 1990-е гг. книгах Л.П. Белковец, В.К. Гавриленко, В.М. Запечкого, В.М. Самосудова, В.Н. Уйманова. Большое количество информации о чекистах Алтайского и Красноярского краев можно найти в работах барнаульского краеведа В.Ф. Гришаева и абаканского историка А.П. Шекшеева¹. В монографии С.А. Папкова² рассказано о репрессиях в Сибири, в том числе кратко – в отношении чекистской номенклатуры. Монография С.А. Красильникова³ посвящена генезису, функционированию и кадрам региональной системы спецпоселений.

Большинство литературы о чекистах Сибири носит частный, публицистически-вторичный характер, нередко предлагая старые мифы о работе органов безопасности. В сборниках по истории управлений ФСБ, вышедших в Барнауле и Новосибирске, допущены ошибки даже при перечислении начальников управлений – пропуски, отождествление руководителей госбезопасности и органов МВД⁴. Обилие тенденциозных и откровенно слабых сочинений лишь подтверждает необходимость серьезных исследований по истории ОГПУ–НКВД–НКГБ Сибирского региона.

¹ Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М., 1995; Гавриленко В.К. Казнь прокурора: Документальное повествование. Абакан, 2001; Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно (К истории сталинских репрессий на Алтае). Барнаул, 1995; Он же. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). Барнаул, 1999; Запечкий В.М. Колпашевский яр. Новосибирск, 1992; Самосудов В.М. Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. Омск, 1998; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006.

² Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997.

³ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

⁴ Управлению Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю 80 лет. Барнаул, 1999; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. Новосибирск, 2002.

В зарубежной историографии до конца 1980-х гг. исследования, посвященные персоналу советских карательных органов, носили характер политизированных сочинений, оторванных от архивной базы. Среди современных работ историков стран СНГ выделяются труды харьковского исследователя В.А. Золотарева о чекистах Украины, отличающиеся богатым фактическим содержанием и объективностью оценок. В его исследованиях¹ приведены уникальные свидетельства об агентурно-оперативной деятельности, структуре, кадрах, быте чекистов, среди которых немало лиц, работавших и в Сибири.

Таким образом, последнее двадцатилетие характеризуется огромным общественным и исследовательским интересом к истории органов советской политической полиции. При этом трудов, отвечающих критериям научности, не так много, и они либо повествуют о работе определенных подразделений ОГПУ–НКВД, либо посвящены событиям эпохи «Большого террора» и его конкретным проводникам. Недостаточная глубина и фрагментарность опубликованных работ подразумевают необходимость дальнейшего изучения проблем чекистской истории в Сибирском регионе.

Объектом исследования являются функционировавшие в Сибири территориальные органы ОГПУ–НКВД–НКГБ, требовавшие для решения поставленных задач особо отобранного и подготовленного персонала.

Предметом исследования выступают структура, кадры и корпоративное поведение сотрудников органов госбезопасности Сибири в условиях формирования тоталитарного режима.

Целью диссертации является историческая реконструкция направленности и динамики структурных преобразований и кадровой политики региональных сибирских органов советской политической полиции 1930-х гг. в сочетании с анализом внут-

¹ Шаповал Ю.І., Золотарьов В.А. Всеволод Балицький. Особа, час, оточення. Київ, 2002; Золотарьов В.А. ЧК–ДПУ–НКВС на Харківщині: люди та доли (1919–1941). Харків, 2003; Он же. Олександр Успенський: особа, час, оточення. Харків, 2004; Он же. Секретно-політичний відділ ДПУ УССР: справи та люди. Харків, 2007.

рикорпоративных взаимоотношений сотрудников ОГПУ–НКВД–НКГБ.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

- раскрыты характер и особенности структурно-функционального построения и статусного положения органов госбезопасности в государственно-политической системе в Сибирском регионе;

- проанализирована динамика численности и состава персонала органов госбезопасности, особенно руководящего состава, показаны масштабы и значение чисток и репрессий в чекистской среде;

- охарактеризованы корпоративные взаимоотношения работников госбезопасности как отдельной касты советского чиновничества;

- изучены формы проявления и масштабы внутриведомственной преступности и степень участия чекистов в теневой экономике.

Территориальные рамки исследования охватывают Сибирский, крупнейший в стране, регион – от Тюменской области до Якутии.

Хронологические рамки работы охватывают время с октября 1929 г. по июнь 1941 г. включительно, т. е. с начала реализации политики «Великого перелома» до начала Великой Отечественной войны. Это период экстенсивного институционального роста и статусного влияния репрессивных органов, претерпевших радикальные структурные и кадровые преобразования.

Методология исследования включает в себя три уровня: общенаучный, общеисторический и конкретно-исторический. Первый из них базируется на использовании принципов системного подхода, где спецорганы представлены как элемент партийно-государственной системы, имевший, в то же время, собственные системные признаки. Основным общеисторическим методом, на котором основывается данная работа, является принцип историзма, в соответствии с которым исторические процессы и события изучаются в хронологической последова-

тельности на основе анализа источников, в контексте политической, социально-экономической и культурной ситуации.

В качестве специально-исторических методов исследования применялись историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы, позволившие выделить в изучавшихся процессах и событиях их характер, стадиальность, динамику, специфику и т. д.

В качестве конкретно-исторической методологии использованы антропологический подход и концепция тоталитаризма. Антропологический подход в истории предполагает преимущественное внимание к межличностному и межгрупповому взаимодействию, взгляд на происходящие процессы с позиции их участников (или жертв); изучение всех видов социальных практик, рутины и повседневности на всех уровнях и во всех проявлениях. Такой подход отвечает ощущаемой историками потребности обратиться к изучению повседневности, дополнить историю учреждений и корпораций «человеческим измерением». Тоталитаристская концепция содержит необходимый потенциал для объяснения причин появления и сути работы карательных органов. Под тоталитаризмом мы понимаем такую разновидность идеократической диктатуры, при которой все инструменты осуществления политической власти, в первую очередь, террор, используются централизованным руководством без каких-либо ограничений для тотальной перестройки общества и человека по жесткой и заранее заданной идеологической схеме.

Внимание к психологическим особенностям личного состава чекистской корпорации потребовало применения инструментария социальной психологии. Эта дисциплина позволяет оценить профессиональное и бытовое поведение представителей изучаемой корпорации как сложное социокультурное явление со своей историей, традициями, ценностями, выявить сильное влияние на психику чекистов специфических профессиональных деформаций.

Источниковую базу исследования составляют в своем сочетании документальные и нарративные источники, в числе которых опубликованные документы, мемуарные свидетельства, материалы периодической печати и архивные документы.

В документальных сериях и сборниках последних полутора десятилетий в научный оборот введен значительный объем источников из чекистских архивов¹. Это позволяет получить важную информацию о структуре и кадрах органов ОГПУ–НКВД–НКГБ, психологии чекистов, их агентурно-оперативной работе, месте карательных органов в партийно-государственном аппарате. В Сибирском регионе также опубликован большой массив партийно-чекистских документов, преимущественно касающийся политических репрессий в отношении крестьянства, национальных и религиозных меньшинств, интеллигенции. Большой объем документации о карательных структурах опубликован в десятках томов Книг памяти жертв политических репрессий, которые выходят в регионе с начала 1990-х гг.

Газетные материалы 1930-х гг. дают некоторые сведения о биографиях, награждениях и служебных перемещениях чекистов. Чекисты оставили немало мемуаров, чаще всего тенденциозных и малоинформативных. Важными для нашей работы стали обширные и уникальные по широте охвата воспоминания видного чекиста М.П. Шрейдера, пока опубликованные лишь частично².

¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004; Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004; Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы. М., 2003. Т. 3, кн. 1: 1930–1931; 2005. Т. 3, кн. 2: 1932–1934; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2000. Т. 1: Март 1953 – февраль 1956; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 т. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930–1933; 2004. Т. 5, кн. 1: 1937; 2006. Т. 5, кн. 2: 1938–1939.

² Шрейдер М.П. Воспоминания чекиста-оперативника (Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 2. Оп. 2. Д. 100–102); Он же. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995.

Опубликованные источники не позволяют изучить историю ОГПУ–НКВД–НКГБ в Сибири 1930-х гг. в сколько-нибудь удовлетворительном объеме. Основную источниковую базу диссертации составили документы более 90 фондов местных и федеральных архивов. Большое количество информации о чекистах Сибири удалось извлечь из фонда Комиссии партийного контроля ЦК КПСС (РГАНИ, ф. 6); важную информацию о чекистских кадрах содержат хранящиеся в архивах Сибири материалы партийных чисток, многочисленные фонды парторганизаций ОГПУ–НКВД–НКГБ, а также личные партийные дела и учетные карточки чекистов. Сплошной просмотр фондов крайкомов, обкомов, окружкомов, ряда горкомов и райкомов ВКП(б) в архивах Новосибирска, Барнаула, Иркутска, Кемерово, Красноярска, Омска, Томска, Тюмени, Читы дал возможность собрать необходимый массив сведений о персональном составе и структуре чекистских органов.

В работе также использованы материалы около 200 следственных дел из фондов ФСБ и архивов Службы безопасности Украины. Около 40 изученных архивно-следственных дел относились к репрессированным чекистам Алтайского края и Новосибирской области. Следственные дела в отношении чекистов содержат, как правило, много информации об их профессиональном и бытовом поведении. В делах на прочих репрессированных наиболее важные сведения содержатся в реабилитационных производствах, нередко подробных и носящих характер исторических расследований. Часть ведомственных документов, цитируемых в этих производствах (выписки из рабочих и личных дел агентуры, сводки агентурных сообщений и т. д.) к настоящему времени уничтожены.

В работе с различными группами источников, учитывая специфику каждой из них (ведомственная документация, архивно-следственные дела, материалы партийных чисток и расследований и т. д.) использовались апробированные методы, используемые для внешней и внутренней критики источников на их полноту, достоверность, тенденциозность. С целью извлечения из источников максимально полной и достоверной информации применялся комплексный подход, предусматривавший сведение

информации о том или ином событии или лице из разных источников, сопоставление и перепроверка сведений одних источников другими.

В целом комплекс названных источников и материалов, при условии критического подхода, позволяет воссоздать многостороннюю и противоречивую картину жизни чекистских подразделений в конце 1920-х – начале 1940-х гг., решить поставленные в исследовании цели и задачи.

Научная новизна. В диссертации впервые предпринята попытка изучить историю аппарата политической полиции в Сибирском регионе в период как постоянных структурных и кадровых реформ, так и наиболее масштабных и интенсивных репрессий в отношении самих чекистов. Новаторским является комплексный анализ проблем формирования и эволюции центрального аппарата ОГПУ–НКВД–НКГБ, его местных отделов, а также структурных изменений, кадровой истории, особенностей психики сотрудников госбезопасности и корпоративных взаимоотношений внутри чекистской касты, состоявшей из ряда крупных кланов. В научный оборот вводится большое количество новых, ранее не использованных документов центральных и местных архивов, что позволяет более детально проследить изменения организационной структуры и кадрового состава ОГПУ–НКВД–НКГБ, выявить региональные особенности процессов, происходивших в чекистской среде.

Практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в научной и преподавательской работе: при написании обобщающих трудов, при чтении курсов отечественной истории, а также спецкурсов по истории органов госбезопасности и репрессивной политики в СССР.

Основные положения, выносимые на защиту:

– изменения в структуре и функциях чекистских подразделений диктовались политическими решениями верховной власти: будучи наиболее интенсивными в начале 1930-х гг. и конце десятилетия, они напрямую зависели от приоритетов репрессивной политики; при этом динамика ведомственных преобразова-

ний имела разнонаправленный характер (укрупнение одних и разукрупнение других подразделений);

– в исследуемый период резко возросла численность персонала органов безопасности, появлялись и упразднялись разнообразные чекистские специализации; для карательных органов в Сибири характерно так называемое штрафное пополнение состава из лиц, переведенных из других регионов;

– 1930-е гг. характеризуются постоянными чистками кадров, достигших своего апогея во второй половине десятилетия и коснувшихся прежде всего руководителей высшего и среднего звена;

– персонал органов госбезопасности формировался, исходя из постоянно ужесточавшихся требований политической и корпоративной лояльности в ущерб деловым и моральным качествам кандидатов, что определяло низкий уровень профессиональной подготовки и дисциплины сотрудников ОГПУ–НКВД–НКГБ, ориентированность их на полицейские функции;

– закрытость, кастовость и круговая порука среди работников спецслужбы формировали специфические черты чекистской психологии и создавали атмосферу безнаказанности, которая приводила к экстремально высокой внутриведомственной преступности и активному участию чекистов в теневой экономике;

– деятельность органов ОГПУ–НКВД–НКГБ, не обеспечивавших надежного прикрытия государственной границы и борьбы с контрабандой, допускаявших ежегодные побеги десятков тысяч заключенных и ссыльных, бессильных пресечь организованный уголовный бандитизм и многочисленные коррупционные преступления, имела деформированный характер и проявлялась в гипертрофированно разросшейся реализации охранительно-репрессивной функции.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, выявляется степень ее изученности, определяются цель и задачи, методологические основы диссертации, обозначаются территориальные и хронологические рамки работы, характеризуется источниковая база исследования.

В **первой главе «Структура органов государственной безопасности в 1929–1941 гг.»** исследуются причины и динамика основных внутриведомственных преобразований. Грандиозные перемены, происходившие в обществе, возрастание роли репрессивной части госаппарата непосредственно отражались на структуре и функциях чекистской системы.

Первый раздел «Организационное строение полномочных представительств ОГПУ и управлений НКВД–НКГБ» посвящен исследованию логики и характера структурных изменений местных руководящих институций. Наиболее значительные из реформ заключались в создании особо крупных подразделений с целью проведения прежде всего арестов и внесудебных осуждений больших групп населения. Структура, в основном сформированная еще в период существования ВЧК, действовала, трансформируясь, и в последующие десятилетия: при проведении репрессий основными подразделениями выступали особый, секретно-политический и контрразведывательный отделы. Одновременно реализовывалась тенденция к разукрупнению некоторых отделов с целью создания подразделений, отвечавших за новые направления карательной политики. Для органов Сибири была характерна определенная организационная специфика, связанная с наличием разветвленной системы лагерей и спецпоселений, и бурным оборонно-промышленным развитием, требовавшим чекистского «обслуживания». Особую роль в деятельности карательных органов играли вспомогательные службы: репрессивные функции активно выполняли работники пограничных отрядов, внутренних войск, а также милиция и фельдъегери. Так, фельдъегери, количество которых не уступало численности оперсостава, нередко участвовали в обысках, арестах, допросах, расстрелах.

Реформы 1930-х гг. привели к созданию громоздкого репрессивного сверхведомства с очень разветвленной структурой. Желая повысить его управляемость, Л.П. Берия в начале 1941 г. провел реорганизацию, выделив второстепенные подразделения, а также всю систему ГУЛАГ и спецпоселений, в отдельный Наркомат внутренних дел (НКВД). Для осуществления функций политической полиции создавался Наркомат государственной безопасности (НКГБ), ориентированный также на проведение разведки и контрразведки. Новому наркому обороны СССР С.К. Тимошенко удалось добиться создания в РККА независимой военной контрразведки, подчиненной руководству армии. Но уже в апреле 1941 г. Берия добился того, что третьи (особые) отделы в РККА в значительной степени вышли из-под контроля военных, и усилил их взаимодействие с НКГБ.

Во втором разделе «Реформирование местных органов ОГПУ–НКВД–НКГБ» анализируются изменения в структуре территориальных подразделений. Ликвидация округов и создание районных органов управления в 1930 г. радикально изменили структуру госбезопасности на местах. Создание районных аппаратов и оперативных секторов ОГПУ–НКВД, системы заместителей начальников политотделов МТС и совхозов по оперработе, появление многочисленных работников лагерей и комендатур дали возможность распространить влияние спецорганов вширь и вглубь. Особая роль принадлежала оперсекторам ОГПУ–НКВД, крупные аппараты которых быстро создавали тысячи дел в периоды «массовых операций», осуществляя аресты и расстрелы. Райгоротделы, оперсекторы, а также система управления заключенными и ссыльными оказались прочными структурами, доказавшими свою карательную эффективность.

Несмотря на жестко вертикальное строение ОГПУ–НКВД–НКГБ, управляемость местными органами была недостаточно эффективной. Инспекции Центра постоянно выявляли как развал агентурно-оперативной работы, так и крайне высокий уровень злоупотреблений и преступлений чекистов. Налицо были многочисленные провалы в контрразведывательной и разведывательной деятельности, поддержании порядка, а в

секторе ГУЛАГ нерационально и нередко бесцельно расходовались огромные человеческие и материальные ресурсы. Ответом на это становились жесткие кадровые перетряски, обыденность которых свидетельствовала об их низкой результативности.

Во второй главе «Кадры ОГПУ–НКВД–НКГБ» проанализированы направления и динамика кадровых изменений в чекистском ведомстве, исследованы источники пополнения, роль, масштабы и итоги ведомственных чисток и репрессий. Даны сведения по социально-демографическим характеристикам чекистов конца 1920-х, середины 1930-х и начала 1940-х гг., показан состав ряда крупных региональных чекистских кланов.

В первом разделе «Динамика численности и качественный состав» анализируются количественные и качественные характеристики сотрудников органов госбезопасности. Впервые указывается состав подразделений оперативного сектора, его численность, степень текучести кадров. Сходные данные приведены по ряду городских отделов НКВД Кузбасса и Омской области. Введены в научный оборот результаты партийных чисток 1933–1934 гг. по ДТО ОГПУ Забайкальской железной дороги и УНКВД ЗСК, установлены численность и состав управлений НКВД Новосибирской и Омской областей. Даны сведения по партийному, половозрастному, социальному и национальному составу чекистов Сибири, их профессиональному стажу; отмечены большие трудности подбора в чекистские структуры лиц, имевших образование хотя бы не ниже среднего. Оценены различные источники пополнения оперативного состава, в том числе из среды низовых руководящих партийно-хозяйственных работников, «провалившихся» в связи с некомпетентностью и низкой моралью, однако зачисленных затем в штат ОГПУ–НКВД. Важным кадровым резервом пополнения спецслужбы служила конспиративная агентура. Отмечены своеобразные принципы отбора сотрудников, когда уголовное прошлое некоторых не являлось препятствием к зачислению в чекистские органы и к дальнейшей карьере в них.

В течение 1929–1941 гг. численность ОГПУ–НКВД–НКГБ Сибири выросла почти в 3 раза. В 1936 г. специальные звания

получили 730 работников УНКВД по Запсибкраю и 320 работников – УНКВД по Омской области. Пополнение шло за счет разнообразных источников: демобилизованных военнослужащих пограничных и внутренних войск, комсомольских и профсоюзных активистов, партийно-советских и хозяйственных работников, чекистов запаса, а также взаимобмена с Центром и другими регионами. Заметную часть сотрудников, особенно в системе лагерей и спецпоселений, составляли скомпрометировавшие себя чекисты из других регионов страны, для которых назначение в Сибирь являлось наказанием. Большую часть пополнения составляли лица со слабой профессиональной подготовкой, зачастую без специальности или опыта работы.

Во втором разделе «Чистки и репрессии» прослежено в динамике постоянное ужесточение контроля персонала ОГПУ–НКВД–НКГБ, оценены кадровые потери карательного ведомства. Процессы кадрового обновления в чекистской среде приобретали форсированный и в немалой степени вынужденный характер. Так, за 1931 г. по СССР было осуждено почти 1 300 чекистов, или 6 % от общего состава. Пьянство, недисциплинированность и криминализированность оперативного и вспомогательного состава являлись основными проблемами текучести кадров в течение всего изучаемого периода. Другая, весьма значительная часть чекистов стремилась уйти сама: из-за психологического дискомфорта, тяжелых и специфических условий труда, плохого здоровья и т. д. Постоянные партийные чистки усугубляли кадровые проблемы, а репрессии второй половины 1930-х гг. кардинально изменили состав органов НКВД. По не совсем полным данным, из 730 офицеров УНКВД ЗСК во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. пострадали 142 чел. (19,5 %); из них 55 чел. (39 %), или 7,5 % от общего числа были расстреляны, погибли в заключении или застрелились. Основная часть ветеранов ВЧК–ОГПУ к началу 1940-х гг. была уволена. За почти 20 лет был пройден путь от типичного для эпохи ВЧК–ОГПУ неподготовленного чекиста из партизан либо бывших военнослужащих до обученного в спецшколе НКВД–НКГБ или хотя бы на оперкурсах сотрудника политической полиции с определенной специализацией.

В третьем разделе «Руководящий состав» особое внимание уделено истории клановых групп – привычному для советской эпохи способу организации номенклатурного существования, прослежено разрушение этих кланов во второй половине 1930-х гг. Каждый из работавших в Сибири руководителей чекистского ведомства накладывал на его формирование и работу свой отпечаток. Особенно колоритной личностью был полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому (в 1930–1932 гг. по Западно-Сибирскому) краю Л.М. Заковский (Г.Э. Штубис); за шесть лет работы в Сибири он сформировал большой клан, укрепляя его за счет лиц, изгнанных за злоупотребления из других регионов. Его преемники в Западной Сибири и Новосибирской области Н.Н. Алексеев, В.А. Каруцкий, В.М. Курский, С.Н. Миронов, Г.Ф. Горбач, И.А. Мальцев усиленно пытались группировать вокруг себя команды соратников, рассыпавшиеся после репрессий в отношении лидеров. Аналогичная картина прослеживается в Омской и Читинской областях, Алтайском и Красноярском краях, где кланы тоже отличались неустойчивостью из-за частой сменяемости начальников управлений. С середины 1930-х гг. ротация чекистов руководящего звена резко усилилась, достигнув апогея во второй половине 1937 – первой половине 1939 г. Из 15 областных и краевых начальников УНКВД Сибирского региона, работавших в 1935–1938 гг., уцелели только К.А. Павлов (застрелился в 1957 г.) и Ф.А. Леонюк (умер в 1967 г.). Однако с завершением эпохи «Большого террора» и усилением кадровой стабильности образование кланов снова стало обычным явлением для руководителей УНКВД.

Третья глава «Корпоративное поведение» посвящена рассмотрению основных черт и особенностей профессионального и бытового поведения чекистов.

В первом разделе «Профессиональное поведение» последнее рассматривается как следование определенным нормам, правилам и традициям группы. Для чекистов, чьи профессиональные и моральные качества формировались под влиянием специфики агентурно-оперативной работы (провокационная работа с агентурой, шантажно-пыточное следствие, участие в садистских

расправах над осужденными), была характерна высокая доля неадаптивного поведения: административно-управленческое поведение с превышением служебных полномочий; дисфункциональное поведение, включая профессиональную некомпетентность; имитационное поведение, проявляющееся в псевдоактивности работника; отклоняющееся поведение, характеризующееся асоциальными привычками и склонностями.

На чекистскую психологию огромное влияние оказывали профессиональные деформации: злоупотребление властными полномочиями; корпоративность деятельности, нередко приводившая к психологической изоляции сотрудников и отчуждению их от общества; психические и физические перегрузки, экстремальность деятельности, связанная со службой в опасных для жизни и здоровья ситуациях; усвоение элементов криминальной субкультуры в процессе контактов с преступниками; обвинительный уклон и глобальная подозрительность; правовой нигилизм. Основы чекистской психологии сформировались в годы Гражданской войны и в главном не менялись в течение всего ленинско-сталинского периода: осознание себя «передовым вооруженным отрядом партии», уверенность в том, что в работе оправданы любые средства, черно-белое видение мира, стремление к искоренению всякого инакомыслия, крайняя подозрительность и жестокость, склонность к корыстным преступлениям.

Для внутреннего мира чекистов характерны прямолинейность, высокомерное отношение ко всем не чекистам, поголовное доносительство, шпиономания, цинизм, разрушение межличностных связей, неврастения и психозы. Крайней жестокости способствовало и чувство безнаказанности, воспитывавшееся как практикой круговой поруки, так и соответствующими поручениями властей. Отношение к репрессиям как к заказу вышестоящего начальства, оплачиваемому премиями и наградами, порождало соревнование между региональными органами ОГПУ–НКВД и различными подразделениями одного и того же управления. Чекисты нередко инициировали аресты даже собственных родственников.

Сопrotивление репрессиям было обычно пассивным и затрагивало небольшую часть сотрудников. Молодой чекист Садовский, мобилизованный на работу в оперативно-чекистский отдел СибЛАГ в разгар террора, написал в ЦК ВКП(б) письмо с протестом против пыток и фальсификаций. Он был немедленно арестован и осенью 1938 г. расстрелян. Судьба Садовского упоминалась многими чекистами Новосибирской области как наглядное предостережение всем тем, кто посмел бы отказаться выполнять преступные приказы. Недовольные дезертировали из системы, специально спивались, чтобы добиться увольнения, некоторые в знак протеста против репрессий предпочли покончить жизнь самоубийством.

Во втором разделе «Бытовое поведение» реконструируется картина повседневного существования чекистской корпорации. Работники спецслужбы являлись привилегированным сословием не только благодаря особому месту в системе власти. Высокие зарплаты и особенно приоритеты в пайковом и промтоварном снабжении, жилищном и курортном обеспечении позволяли чекистам иметь гораздо более высокий уровень жизни в сравнении с основной частью населения. Досуг чекистов, хотя бы простейший, был организован слабо, но для себя начальство постоянно устраивало банкеты и поездки на пикники. Шумные застолья были в обычае у чекистов; большая часть их имела партийные и служебные взыскания за пьянство. Частым явлением становились пьяные уличные дебоши, нередко сопровождавшиеся беспорядочной стрельбой. Алкоголизация оперсостава нередко приводила к срывам и даже остановке работы. Однако чаще всего самые завзятые пьяницы подолгу оставались на службе.

Документы свидетельствуют о повсеместном процветании чекистского разврата, обилии как принуждений подчинённых сотрудниц и жён арестованных к сожительству, так и прямых изнасилований. Побочными явлениями распущенности становились публичные семейные скандалы, за которые чекистам приходилось нести ответственность. Моральный климат в чекистских подразделениях определялся прежде всего руководством, которое любило устраивать не просто банкеты для «своих», а настоящие пьяные оргии с приглашением проституток. Сибир-

ские чекисты откровенно признавали: «Многоженство и разгульная жизнь у работников НКВД – это массовое явление».

Органы госбезопасности, наделенные контролирующими функциями, но слабо контролируемые сами, изначально были поражены коррупцией и активно участвовали в теневой экономике. Работники «органов» имели широкие возможности для присвоения имущества своих жертв. Начальствующий состав ОГПУ–НКВД самым активным образом наживался за счет вещей и денег «раскулаченных», арестованных и расстрелянных. Однако немалая часть отобранного у «врагов» доставалась и рядовым работникам. Апогеем наживы стали времена «Большого террора».

В районных отделениях ОГПУ–НКВД Сибири с начала 1930-х гг. повсеместное распространение получили так называемые черные кассы, позволявшие вольно распоряжаться неучтенными деньгами. В 1930–1940-х гг. одним из распространенных обвинений в адрес чекистско-милицейских начальников являлось «поборничество в колхозах», откуда без счета забирались продукты. Особенно велики были злоупотребления в системе лагерей и спецпоселений. Чекисты и милиционеры со временем все основательней «врастали» в теневую экономику, эксплуатируя заключенных и ссыльных. Частым явлением было и присвоение денег, предназначенных для оплаты услуг агентов. Насыщенность оперсостава малокультурными личностями с криминальными наклонностями, действовавшими зачастую безнаказанно, обуславливали огромное распространение спекуляции, растрат, подлогов, хищений, а также воровства и мародерства. Уровень преступности в чекистской среде был неизмеримо выше, чем в обществе в целом.

В **заключении** подведены основные итоги исследования. В соответствии с директивами политического руководства с осени 1929 г. до лета 1941 г. органы ОГПУ–НКВД–НКГБ Сибирского региона трансформировались из немногочисленной и слабо представленной на районном уровне структуры в мощный и разветвленный аппарат, опиравшийся на тысячи оперработников районных органов НКВД–НКГБ и станционных пунктов, а также лагерей и спецпоселений. Этот период характеризуется

форсированным ростом (особенно в 1930–1933 и 1938–1941 гг.) численности органов госбезопасности, а также многочисленными структурными преобразованиями, в ходе которых создавались и исчезали различные чекистские специализации. В функционировании ОГПУ–НКВД–НКГБ значительную роль играли многочисленные вспомогательные структуры (милиция, фельдъегери). Благодаря постоянному реформированию органы госбезопасности усилились качественным образом и за счет создания множества местных структур оказались способны осуществить в начале и конце 1930-х гг. «массовые операции» – крупномасштабные внесудебные расправы над сотнями тысяч граждан СССР. В 1930-х гг. основу деятельности чекистов составляла не защита государственных и общественных интересов, а исполнение функций политической полиции и контрольной инстанции, проверявшей реализацию решений высшей власти, а также инструмента хозяйственного строительства.

Для Сибири – региона с крупной системой лагерей и ссылки, с широким и разнообразным сопротивлением режиму в начале 1930-х гг. – характерен более высокий уровень политических репрессий, чем в целом по стране. Осуществление террора руководителями сибирских органов ОГПУ–НКВД высоко оценивалось руководством и приводило к пополнению центрального аппарата видными чекистами региона. В то же время был очень заметен и процесс наполнения чекистских аппаратов Сибири скомпрометировавшими себя сотрудниками со всех концов страны. В контексте структурно-функциональных трансформаций за 1929–1941 гг. значительно изменился кадровый состав ОГПУ–НКВД–НКГБ, что характеризовалось количественным ростом, усиленным притоком на руководящие должности партийно-комсомольского актива, формированием и распадом многочисленных чекистских кланов. Доминантными факторами, воздействовавшими на кадровую ситуацию в спецорганах, являлись постоянные чистки и репрессии в их собственных рядах. Они были следствием не только обостренного внимания к политической лояльности сотрудников госбезопасности, но и экстремально высокого, в силу порочных кадровых подходов, уровня преступности в чекистской среде.

Исследование не подтверждает миф о «честных чекистах», которые якобы составляли большинство и с неохотой участвовали в карательных акциях. На деле сотрудники госбезопасности были конформистски настроенным сообществом, откуда несогласные быстро «изымались». Специфическое профессиональное поведение носило стабильный характер, воспроизводясь в каждом новом поколении чекистов. Сотрудники политической полиции остро ощущали себя особенной кастой, наделенной тайными правами, и это очень многое определяло в их корпоративном поведении. На всем протяжении истории репрессивных органов их кадры вполне соответствовали главным критериям – политической лояльности и готовности выполнить любое поручение властей. Необходимая для выживания практика круговой поруки стабильно воспроизводилась во все периоды существования ОГПУ–НКВД–НКГБ. Привычные тайные методы чекистской работы, фактическая бесконтрольность и безнаказанность оборачивались не только постоянными нарушениями законности при ведении следствия, но и крайне низкой дисциплиной, различными служебными злоупотреблениями, активным участием в теневой экономике.

Проведенное исследование доказывает преемственность и неразрывную связь всех основных принципов структурного построения, кадрового подхода, корпоративного поведения и особого положения органов госбезопасности в сталинской системе власти. Чекисты, осуществляя свою ведомственную экспансию для занятия командных высот в общей системе управления, народном хозяйстве, стали фактически суперведомством. Конец 1920-х – начало 1940-х гг. – это особый период в истории отечественной спецслужбы, когда она являлась не только «мечом и щитом» сталинской диктатуры, но и активной действующей силой в форсированном и основанном на принуждении и насилии переструктурировании общества, инструментом глобальной социальной инженерии.

В приложениях к диссертации помещены схема, отражающая организационную структуру сибирских органов ОГПУ–НКВД–НКГБ, а также биографии руководящих работников специальных комендатур ОГПУ–НКВД–НКГБ Западной Сибири.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседании кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. Результаты исследования докладывались автором в выступлениях на международной научной конференции «Сталинизм в советской провинции 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447» (Москва, 12–15 октября 2006 г.), российско-французском семинаре по истории открытых судебных процессов (Москва, 11–12 сентября 2009 г.) и международной конференции по проблемам истории сталинизма (Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г.). Автору принадлежат три монографии, а также более 20 статей и документальных публикаций по истории органов госбезопасности Сибири конца 1920 – начала 1940-х гг.

Монографии

1. Тепляков, А.Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. [Текст] / А.Г. Тепляков. – М.: Возвращение, 2007. – 108 с. (6,85 п. л.).
2. Тепляков, А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. [Текст] / А.Г. Тепляков. – М.: Новый Хронограф; АИРО–XXI, 2008. – 632 с. / Серия «АИРО–Монография», № 21. (39,5 п. л.).
3. Тепляков, А.Г. Опричники Сталина. [Текст] / А.Г. Тепляков. – М.; Яуза: ЭКСМО, 2009. – 432 с. / Серия «Государственная безопасность» (22,68 п. л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК

1. Тепляков, А.Г. Чумаковское восстание 1931 г. (Западная Сибирь) [Текст] / А.Г. Тепляков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 1: История. – С. 67–72 (0,5 п. л.).
2. Тепляков, А.Г. Учетно-осведомительный отдел полпредства ОГПУ по Сибкраю в 1929–1930 гг.: дела и люди эпохи «Великого

перелома» [Текст] / А.Г. Тепляков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 4. – С. 52–55 (0,5 п. л.).

В других изданиях

3. Тепляков, А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 [Текст] / А.Г. Тепляков // Минувшее: Исторический альманах. – М.; СПб., 1997. – Вып. 21. – С. 240–293 (3,4 п. л.).

4. Тепляков, А.Г. Портреты сибирских чекистов [Текст] / А.Г. Тепляков // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. – Новосибирск, 1997. – Вып. 3. – С. 68–113 (2,9 п. л.).

5. Тепляков, А. Провал в Китае [Текст] / А.Г. Тепляков // Секретное досье. – 1998. – № 1. – С. 89–95 (0,5 п. л.).

6. Тепляков, А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ–НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. [Текст] / А.Г. Тепляков // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. – С. 173–185 (0,75 п. л.).

7. Тепляков, А. Невычищенные: чекисты и партработники под тенью проклятого прошлого [Текст] / А.Г. Тепляков // Родина. – 2003. – № 3. – С. 68–69 (0,3 п. л.).

8. Тепляков, А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны [Текст] / А.Г. Тепляков // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2004. – С. 260–290 (1,8 п. л.).

9. Тепляков, А.Г. «Милицейское дело» [Текст] / А.Г. Тепляков // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2005. – Вып. 1. – С. 409–411 (0,25 п. л.).

10. Тепляков, А. Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах [Текст] / А.Г. Тепляков // Голоса Сибири: Литературный альманах. Выпуск четвертый / Сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2006. – С. 213–277; Примечания. – С. 799–805 (4 п. л.).

11. Тепляков, А. Вениамин Вегман: материалы к биографии [Текст] / А.Г. Тепляков // Сибирские огни. – 2007. – № 4. – С. 171–178 (1 п. л.).

12. Тепляков, А. Дело «Трудовой крестьянской партии» 1937 года [Текст] / А.Г. Тепляков // Голоса Сибири: Литературный альманах. Выпуск шестой / Сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007. – С. 831–840; Примечания. – С. 1453–1454 (0,5 п. л.).

13. Тепляков, А. «Работа в ЧК часто возвращает...» Братья Берманы – стахановцы террора [Текст] / А.Г. Тепляков // Политический журнал. – 2007. – № 13–14. – С. 106–109 (0,3 п. л.).

14. Тепляков, А. Агент для «великого кормчего». Неизвестное «китайское лицо» ЧК–НКВД [Текст] / А.Г. Тепляков // Политический журнал. – 2007. – № 23–24. – С. 107–109 (0,3 п. л.).

15. Тепляков, А.Г. Революционер-анархист, воин и строитель Владимир Шатов [Текст] / А.Г. Тепляков // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2008. – Вып. 2. – С. 582–588 (0,5 п. л.).

16. Тепляков, А.Г. Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» [Текст] / А.Г. Тепляков // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. – М., 2009. Серия: История сталинизма. – С. 536–571 (2,3 п. л.).

17. Тепляков, А.Г. О коррупции в органах НКГБ–МГБ СССР 1940–1950-х гг. [Текст] / А.Г. Тепляков // Общество. Интеллигенция. Репрессии: Сб. статей к 60-летию проф. С.А. Красильникова. – Новосибирск, 2009. – С. 205–223 (1 п. л.).

18. Tepljakov, A. Die Rolle des NKVD der Westsibirischen Region [Текст] / А.Г. Тепляков // Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938. Die Massenaktion aufgrund des operativen Befehls № 00447/ Hg. von R. Binner, B. Bonwetsch, M. Junge. – Akademie Verlag, Berlin, 2010. – S. 421–457 (2,3 п. л.).

19. Tepljakov, A. NKVD der UdSSR [Текст] / А.Г. Тепляков // Lexikon der Vertreibungen. Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Sauberung im Europa des 20. Jahrhunderts. – Bohlau Verlag, Wien-Koln-Weimar, 2010. – С. 478–480 (0,15 п. л.).

20. Тепляков, А.Г. Рецензия на книгу: Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926. Серия: Россия XX век. Документы / Сост. А.М. Плеханов, А.А. Плеханов. М.: Международный фонд «Демократия», Материк, 2007. 872 с. [Текст] / А.Г. Тепляков // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2011. – Т. 10, вып. 1: История. – С. 219–222 (0,3 п. л.).

Сборники документов

1. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области / Сост.: О.Г. Черепанова, Е.Н. Швецова, Ю.Л. Хайнацкая, С.А. Папков, А.Г. Тепляков. – Новосибирск: ИД «Сова», 2008. – Вып. 2. – 622 с. 39 п. л. (вклад А.Г. Теплякова – 1 п. л.).

2. Rolf Binner, Bernd Bonwetsch und Marc Junge (Hrsg.). Massenmord und Lagerhaft: Die andere Geschichte des Großen Terrors. – Berlin, 2009. – 821 p. 51 п. л. (вклад А.Г. Теплякова – 3 п. л.).

3. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ № 00447 / Сост. Г.Д. Жданова, В.Н. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. – М.: РОССПЭН, 2010. – 751 с. 48 п. л. (вклад А.Г. Теплякова – 4 п. л.).

4. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР: 1937–1941 гг.: В 2 т. / Сост.: В. Астрелин, Р. Биннер, Б. Бонвеч, О. Довбня, С. Кокин, А. Тепляков, Ш. Шнир, М. Юнге. – М.: РОССПЭН, Германский исторический институт в Москве, 2010. – 1454 с. 91 п. л. (вклад А.Г. Теплякова – 5 п. л.).

5. Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр.: В 2 ч. / Упоряд.: Сергій Кокін, Марк Юнге; сост.: В. Астрелін, Р. Біннер, Б. Бонвеч, О. Довбня, С. Кокін, О. Тепляков, Ш. Шнір, М. Юнге. – Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2010. – 1212 с. 98 п. л. (вклад А.Г. Теплякова – 5 п. л.).

6. Тепляков, А.Г. Коменданты Нарыма [Текст] / А.Г. Тепляков // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск, 2011. – Вып. 3. – С. 644–682 (3,2 п. л.).

Подписано к печати 00.00.2011 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 1,25. Уч.-изд. л. 1,25. Тираж 000 экз.
Заказ № 0000.